

Он чувствовал себя ужасно: всё тело горело, словно в огне, в голове стоял туман, и он машинально прижался к прохладному предмету рядом, лишь после этого с облегчением выдохнув.

Он открыл глаза и, глядя на Сияющего в серебряной маске Сяо Ляня в своих объятиях, мгновенно смягчился во взгляде.

— Сяо Лянь, ты пришел.

Сяо Лянь коснулся его лба, пораженный его палящим жаром, и укоризненно на него зыркнул:

— Ты заболел, ну-ка ложись и отдыхай как следует!

Уголки губ Цинь Фэнъяня изогнулись в лукавой улыбке:

— Сяо Лянь, ты так обо мне беспокоишься, неужели влюбился в меня?

Сяо Лянь ничего не ответил, но Цинь Фэнъяню казалось, будто он даже сквозь маску видит его покрасневшие щеки.

В сердце Цинь Фэнъяня его Сяо Лянь был самым добрым и нежным человеком на свете; хотя Сяо Лянь приходился вторым сыном маркизу Цинъюаню, нравом он за милую отличался от старшего брата Шань Ли.

Каким бы злодейским сердцем ни обладал Шань Ли, столь же доброй душой наделен его Сяо Лянь.

С тех пор как его заточили в поместье маркиза и обратили в слугу, именно Сяо Лянь каждую ночь тайком пробирался к нему, чтобы позаботиться, принести еду и обработать раны, оставленные за день.

Если бы не Сяо Лянь, он, пожалуй, и месяца не продержался бы в поместье маркиза Цинъюаня.

Думая об этом, Цинь Фэнъянь преисполнился нежности. Он приподнялся и, словно в поисках опоры, обвился руками вокруг тоньше трости талии Сяо Ляня, положив подбородок ему на плечо.

Сяо Лянь вовсе не привык к такой близости; он слегка порывался отстраниться, но не смог вырваться и в конце концов позволил Цинь Фэнъяню делать всё, что тот хочет, лишь мягко утешая его:

— Тебе нужно как следует отдохнуть, только так болезнь пройдет, понимаешь? Только выздоровев, ты сможешь защитить себя, чтобы тебя больше не обижали.

Цинь Фэнъянь глухо хмыкнул, и его взгляд внезапно помрачнел, став свирепым:

— Я буду отдыхать как следует, потому что должен не только защитить тебя, но и собственными руками убить маркиза Цинъюаня, собственными руками убить Шань Ли!

Сяо Лянь всем телом разом задеревенел, а лицо под маской стало бледным, как бумага.

Цинь Фэнъянь заметил его реакцию и обеспокоенно спросил:

— Сяо Лянь, чего ты боишься?

Губы Сяо Ляня слегка задрожали:

— Ты... непременно должен убить брата Шань Ли? Быть может, у него есть какие-то скрытые причины.

Цинь Фэнъянь, словно услышав какую-то смешную шутку, беспомощно покачал головой:

— Сяо Лянь, ты и впрямь слишком наивен. Какие у Шань Ли могут быть скрытые причины? Он ничем не отличается от маркиза Цинъюаня — злодей в душе, не более чем творящий бесчинства ничтожный человек.

Сяо Лянь больше ничего не сказал.

Цинь Фэнъянь тоже не заметил странностей в его поведении. Лёжа в постели, он всё еще мучился от невыносимого жара и алчным взглядом смотрел на Сяо Ляня:

— Сяо Лянь, ты можешь остаться со мной на всю ночь?

— Нет...

У Сяо Ляня были свои поводы для опасений и тревог, и хотя он хотел отказаться, но, увидев взгляд Цинь Фэнъяня, в конце концов смягчился и помимо своей воли кивнул.

Цинь Фэнъянь невероятно обрадовался, заключил Сяо Ляня в объятия и вскоре заснул.

В ту ночь ему приснился на редкость легкий и сладкий сон.

Из-за этого впоследствии, в каждую бессонную ночь, Цинь Фэнъянь до безумия тосковал по тому чувству, когда в ту ночь засыпал в обнимку с Сяо Лянем.

...

— Шань Янь!

Цинь Фэнъянь резким рывком вынырнул из сна. Тяжело и прерывисто дыша, он посмотрел на того, кто был у него на руках.

Однако перед ним предстал вовсе не тот Сяо Лянь, о котором он так тосковал, а Шань Ли, к которому он испытывал жгучую, костлявую ненависть.

Сложный взгляд Цинь Фэнъяня в мгновение ока стал ледяным и зловещим. Глядя на безмятежно спящее миловидное личико Шань Ли, он неожиданно преисполнился импульса придушить его.

По правде говоря, Цинь Фэнъянь именно так и поступил.

Наблюдая, как лицо Шань Ли постепенно багровеет, а дыхание становится всё слабее и слабее, он ощутил в груди безграничное упоение.

Но то ли чувство удушья вывело Шань Ли из сна, то ли что-то еще — он открыл глаза, и его черно-белые, ясные глаза уставились прямо на Цинь Фэнъяня.

— Цинь... Фэнъянь.

Цинь Фэнъянь тут же отдернул руку, словно обожглась ладонь, рассеянно разжал пальцы, и в голову хлынула волна головокружения. Нащупав рукой лоб, он только теперь понял, что заболел.

Точно так же, как и много лет назад.

Глядя на лицо Шань Ли, полное тревоги, он вдруг почувствовал некоторую растерянность.

Он не знал, поступает ли правильно сейчас, и не знал, стоит ли ему продолжать идти по этому пути.

Цинь Фэнъяню стало невыносимо тяжело на душе, и он приподнялся на локте, собираясь встать.

Сидевший рядом Шань Ли тут же по привычке крепко ухватил его за руку, уставившись на него парой чистых глаз.

— До... домой!

Цинь Фэнъянь скривил губы в горькой усмешке.

Домой? Разве это твой дом?

Это дом — его и Сяо Ляня!

Цинь Фэнъянь опустил взгляд, скрывая насмешку в глубине глаз, и вместе с Шань Ли вернулся в Резиденцию генерала.

У военного советника после отбытия генерала правый глаз непременно дергался без остановки — он всё чувствовал, что случится что-то недоброе. Спустя примерно четыре часа, увидев Цинь Фэнъяня, с ног до головы покрытого ранами, он аж сердцем ёкнул.

— Пригласите лекаря!

Военный советник тут же отдал приказ подчиненным позвать лекаря. Посмотрев на бесстрастного Цинь Фэнъяня, он перевел взгляд на Шань Ли.

Заметив на плече Шань Ли и впрямь широкую рваную рану, он мысленно цыкнул от досады.

Он приказал слугам проводить генерала в его покои, а также велел отвезти Шань Ли отдыхать, но Шань Ли не пожелал уходить и жалко-жалко уставился на него — в его глазах так и читалось нежелание расставаться.

Настроение военного советника стало еще более сложным и запутанным.

Изначально он полагал, что Шань Ли, раз уж генерал испытывает к нему столь жгучую ненависть, должен быть предельно зловредным и ядовитым; даже если из-за яда в организме и некоторых иных причин его умственные способности откатились до уровня пятилетнего ребенка, сама природа его должна оставаться порочной и жестокой.

Но разве в поведении Шань Ли можно было разглядеть хоть малейшую каплю злого умысла?

Порой военный советник и впрямь сомневался, не ошибся ли генерал человеком.

Посмотрев на Шань Ли, он вздохнул:

— Если не хочешь уходить, отдохни пока в боковой комнате. С ним всё будет в порядке, как только проснешься, сразу сможешь увидеть, как он открыл глаза и смотрит на тебя.

Шань Ли лишь смутно, по нескольким обрывкам фраз военного советника понял смысл сказанного. Он одарил военного советника улыбкой и только тогда послушно позволил слуге увезти себя в боковую комнату на отдых.

Холодный генерал и его слабоумный возлюбленный

Когда Цинь Фэнъянь очнулся, уже наступил вечер.

Получив вест, военный советник поспешно примчался и вытер со лба пот:

— Генерал, что у вас вообще произошло по дороге?

Цинь Фэнъянь полусидел на кровати, его красивое лицо было бледновато, а меж бровей залегли морщины, полные мрачной холодности. Он бесстрастным тоном пересказал случившееся, намеренно упустив лишь тот момент, когда Шань Ли добровольно заслонил его собой от удара.

Выслушав его, военный советник невольно ощутил холодок на сердце.

Уничтожение Государства Тяньцзэ изначально было величайшим военным подвигом генерала, однако из-за того, что его заслуги затмевали славу правителя, император повсюду опасался генерала и строил против него козни. Не прошло и трех месяцев, как сидящий наверху не смог усидеть на месте и перешел к действиям.

В глазах военного советника мелькнул холодный блеск:

— Генерал, быть может...

Цинь Фэнъянь бросил на него предостерегающий взгляд:

— Меня не интересует это место.

Военному советнику оставалось лишь умолкнуть. Он знал, что главной причиной, по которой Цинь Фэнъянь вел за собой их братьев в походы и уничтожил Государство Тяньцзэ, была не что иное, как месть.

Теперь же кровная месть свершилась, и больше всего генерала интересовал тот самый лишившийся рассудка бывший враг.

— Вы... всё еще намерены расправиться с ним?

Хотя военный советник не назвал имени, Цинь Фэнъянь прекрасно понял, о ком речь.

— Разумеется.

Красивый мужчина улыбался в лучах заходящего солнца с исключительной жестокостью. В его глазах бурлила и клубилась самая тонкая паутина ненависти, целиком окутанная мрачным темным светом.

— А что, если однажды он внезапно протрезвеет?

...

Был ли Шань Ли слабоумным или безумным — это не имело значения: ненависть в сердце Цинь Фэнъяня не позволяла ему оставаться равнодушным перед лицом заклятого врага из прошлого.

По его мнению, отупевшее воплощение Шань Ли было невероятно легко поддается дрессировке: стоило бросить ему парочку сахарных лакомств, как тот прибегал, виляя хвостом, словно собачонка.

Каждый раз, когда это происходило, Цинь Фэнъянь с особым нетерпением ждал того дня, когда Шань Ли придет в себя.

Если тот безжалостный молодой господин из прошлого вернет рассудок и узнает, что его дрессировали как собаку те самые бывшие «слуги», не сойдет ли он окончательно с ума?

Именно с такими мыслями Цинь Фэнъянь неукоснительно следовал собственному плану, добиваясь одной-единственной цели — заставить Шань Ли уразуметь, что такое любовь.

— Ты любишь меня?

Этот вопрос Цинь Фэнъянь задавал Шань Ли ежедневно.

Хотя Шань Ли по-прежнему не понимал, что такое «любовь», он всё равно машинально отвечал:

— Люблю.

Люблю, очень люблю. Но почему же он так сильно его любит?

Стоило Шань Ли задуматься над этим вопросом, как он начинал скрести в затылке и чесать уши, а его страдальческое личико морщилось в тугом комке. Поскольку додуматься до ответа он не мог, весь остаток дня на его лице не появлялось и тени улыбки.

Цинь Фэнъянь же на ответы Шань Ли неизменно отвечал глухим молчанием.

Он никогда никак не отзывался на слова Шань Ли, ведь единственным человеком, которого он любил, был Сяо Лянь, поэтому даже сама мысль о том, чтобы хоть немного одурачить Шань Ли фальшью, вызвала у него брезгливость.

Он также не верил ни единому слову, слетавшему с уст Шань Ли.

По-настоящему Цинь Фэнъянь осознал, что Шань Ли, пожалуй, и впрямь привязался к нему, в один из погожих солнечных полудней.

В тот день был день рождения военного советника. Торжество не афишировали вовне, и кроме нескольких самых близких по духу братьев-военачальников, в Резиденцию генерала никто не пришел праздновать именины советника.

Среди этих военачальников выделялся крупный мужчина по имени Чэнь Пэн. Человек компанейский и верный долгу, он обладал одной яркой особенностью — был безумным лакомцем до женской красоты, но привлекали его вовсе не женщины, а мужчины. Явившись в

Резиденцию генерала, он притащил с собой даже главную звезду одного из мужских борделей.

Этот юноша-куртизан отличался белой, как фарфор, кожей и красивой внешностью, но за этой красотой скрывались глубокие амбиции и коварство. Если он и увивался за Чэнь Пэном, следуя в Резиденцию генерала, то лишь с одной целью — соблазнить Цинь Фэнъяня, чтобы, взойдя на роль генеральской жены, задрать нос и смыть с себя позор.

К тому же генерал Цинь Фэнъянь обладал мощным телосложением и выдающейся, поразительной красотой. Краешком глаза воровато поглядывая на Цинь Фэнъяня, сидевшего на почетном месте во главе стола, юноша чувствовал, как в груди нарастает трепет, а в самом сокровенном месте становится невыносимо зудяще-трепетно. Тем временем Чэнь Пэн, который привёл его сюда, уже напился с военным советником и остальными до бесчувствия и совершенно не мог обращать на него внимания. Поулак посмотрел на пьющего в одиночестве Цинь Фэнъяня и решил, что выпал отличный шанс. Взяв кубок с вином, он подошёл прямо к Цинь Фэнъяню.

Будучи главной звездой в заведении, поулак считал себя невероятно привлекательным. Он слегка согнул спину и намеренно опустил ворот одежды пошире, чтобы Цинь Фэнъянь, едва подняв голову, сразу заметил его красивые ключицы.

На его лице заиграла застенчивая улыбка:

— Генерал... Сяо Лянь так долго восхищался вами, позвольте поднести вам этот кубок!

При одном только этом голосе Цинь Фэнъяня едва не затошнило. Больше всего на свете он ненавидел и презирал мужчин, которые зарабатывают на жизнь продажей собственного тела, к тому же от Сяо Ляня разило донельзя резкими духами. Мужчина тут же с отвращением нахмурился, глядя на кокетничающего поулака, и процедил сквозь зубы слова, от холода которых веяло ледяной стужей:

— Пошёл вон.

Сяо Ляня от страха едва не хватил удар — его ноги задрожали и подкосились. Закусив губу, он почувствовал досаду и горькую обиду: он не верил, что с его внешностью не сможет соблазнить Цинь Фэнъяня, и намеренно рухнул прямо в объятия мужчины.

Придвинувшись к самому уху Цинь Фэнъяня, он сладко выдохнул:

— Генерал... неужели вы и правда не хотите Сяо Ляня?

Мало того, его руки начали бесстыдно шарить вокруг — это было настоящим самоубийством.

Случись такое раньше, Цинь Фэнъянь тут же сломал бы ему руку и запер этого наглого, потерявшего страх поулака в вонючую и грязную бамбуковую клетку для свиней.

Но сейчас он поступил иначе, потому что в тот самый момент, когда Сяо Лянь упал в его

объятия, он заметил Шань Ли.

Шань Ли бестолково застыл у входа в главный зал, со слегка побледневшим лицом наблюдая за ними. Его глаза, похожие на чёрные кристаллы, казались потускневшими, а прежний яркий звёздный блеск угас в одно мгновение.

Глядя на него такого, Цинь Фэнъянь практически с первого взгляда понял, что тот страдает.

И страдает из-за него.

Неужели из-за того, что он обнял этого поулака?

Цинь Фэнъянь погрузился в задумчивость, а на его красивом лице вдруг промелькнула злобешая улыбка. Он намеренно заговорил с устроившимся на его коленях поулаком ласковым и нежным голосом, но краем глаза продолжал пристально следить за Шань Ли.

Он заметил, что всякий раз, когда он совершал какое-нибудь интимное движение по отношению к поулаку, тело Шань Ли слегка подрагивало, а взгляд, устремлённый на него, был полон невыразимой тоски и боли.

Цинь Фэнъяню почему-то не нравился этот взгляд — от него неизменно возникало ощущение, будто он кого-то предает.

Но ведь он изначально обманывал Шань Ли, с чего бы здесь взяться предательству?

Цинь Фэнъянь презрительно усмехнулся и, желая вызвать у поулака ревность и неприязнь к Шань Ли, ласковым тоном произнёс:

— Сяо Ли, как это ты отыскал меня здесь?

Взгляд Сяо Ляня тут же переметнулся на стоявшего у входа в зал Шань Ли. Едва взглянув на него, поулак вспыхнул глубокой завистью: он впервые в жизни видел мужчину, чья внешность намного превосходила его собственную. Особенно заметив, что к этому самому Сяо Ли Цинь Фэнъянь относится совершенно иначе, Сяо Лянь мгновенно насторожился.

— Что это за смазливый коллега такой? Сяо Лянь отродясь тебя здесь не видел!

С этими словами он бросил на Шань Ли крайне вызывающий взгляд.

Судя по его опыту общения с подобными красивыми молодыми господами из знатных семей, стоило ему высказать подобное унижительное замечание, как противник тут же должен был взбеситься от чувства уязвлённой гордости и унижения.

Однако прошло немало времени, а тот по-прежнему стоял с отрешённым видом и оставался абсолютно глух к его словам. В этот момент Сяо Лянь испытал неприятное чувство досады, словно попытался ударить вату.

Не удержавшись от гнева, он закричал:

— Эй! Ты почему молчишь? Немой, что ли?

Жестокий генерали и его глупый возлюбленный.

Низкий, презренный поулак задирает ничего не понимающего дурачка — эта картина показалась Цинь Фэнъяню донельзя комичной и нелепой.

Тихо рассмеявшись так, что завибрировала грудная клетка, он бросил холодный взгляд на Шань Ли, а затем вновь повернулся к Сяо Ляню с мягким выражением лица:

— Он не немой.

— Тогда почему он...

— Он дурачок.

Слова, уже сорвавшиеся было с языка Сяо Ляня, застряли у него в горле. Он с головы до ног окинул Шань Ли оценивающим взглядом, не скрывая полного презрения:

— А, всего лишь дурачок. Неудивительно, что он не понимает человеческой речи.

Шань Ли смотрел на то, как они тесно прижались друг к другу, и в его сердце зародилась странная, тягостная боль. Грудь словно сдавило тяжестью, дышать стало нечем — ощутив опасность на уровне инстинктов, он внезапно захотел убежать.

Потерянно глядя на Цинь Фэнъяня, он всё же подавил в себе этот порыв к бегству.

— Я... я не вижу, но пришел... пришел за тобой.

Сделав несколько шагов вперед, Шань Ли протянул Цинь Фэнъяню глиняный сосуд с лекарством, который всё это время прятал за спиной, и на его бледном лице наконец появилась робкая улыбка.

Глядя на этот сосуд, Цинь Фэнъянь почувствовал, как в глубине души что-то дрогнуло.

В этом сосуде не было ничего особенного — в нём находился целебный отвар, который он пил с

самого момента получения ранений.

Он терпеть не мог лекарства, даже испытывал к ним отвращение. Когда он отказывался их принимать, никто не смел ему перечить — и только этот потерявший рассудок Шань Ли неотступно, раз за разом приносил сосуд с отваром к нему, настойчиво заставляя пить.

Цинь Фэнъянь инстинктивно протянул руку, чтобы взять сосуд.

Однако сидевший у него на коленях Сяо Лянь опередил его и ухватился за сосуд первым.

Изначально Сяо Лянь хотел лишь перехватить его из вежливости, чтобы лично услужить генералу, но он никак не ожидал, что отвар окажется настолько обжигающе горячим. Вскрикнув от боли, поулак швырнул сосуд прямо в Шань Ли.

Сяо Лянь с жалостливым видом подул на свои обожженные пальцы и, чувствуя себя обиженным, ткнул пальцем в нос Шань Ли и принялся браниться:

— Ты, слабоумный, даже прислуживать людям толком не умеешь?! Притащить такой кипяток — ты что, решил меня заживо сварить?!

Швырнув сосуд в Шань Ли, он расплескал весь находившийся внутри отвар прямо на него. Если даже сквозь стенки сосуда жар был почти невыносим, то можно представить каково пришлось человеку, когда кипяток хлынул на него безо всякой защиты.

Тыльная сторона ладони Шань Ли мгновенно покраснела, а кожа под рукавами вздулась волдырями. От жгучей боли у него защипало глаза, и, глядя на Цинь Фэнъяня, он заикаясь принялся оправдываться:

— Про... прости, я... я не специально.

Шань Ли был не в своем уме и ничего не смыслил в медицине. Он просто боялся, что если потратит слишком много времени на дорогу, лекарство остынет и потеряет свои свойства. Именно поэтому он крепко сжимал в руках ещё не остывший, обжигающий пальцы отвар сразу после того, как его снимали с огня, и спешил поскорее принести его Цинь Фэнъяню.

Взгляд Цинь Фэнъяня помрачнел. Опустив глаза на руки Шань Ли, он действительно увидел там кровавые волдыри от ожогов.

На душе у него вдруг стало скрести кошки. Он чувствовал, что совершенно не понимает Шань Ли: зачем тому было терпеть такую боль и своими руками носить ему обжигающий отвар?

Какое-то время Цинь Фэнъянь молча поджимал губы, не зная, что и сказать.

Но стоило ему вспомнить всё то зло, что этот некогда жестокий наследник причинил ему в прошлом, как мимолетное чувство жалости мгновенно рассеялось, уступив место жгучей ненависти и отвращению.

Он холодно посмотрел на Шань Ли.

Что бы тот ни делал сейчас, это не могло искупить совершенных в прошлом ошибок и не остановило бы его мести!

Подув на руки и убедившись, что боль утихла, Сяо Лянь презрительно фыркнул и грубо оттолкнул Шань Ли:

— Ты и впрямь бесполезный дурак! А ну проваливай!

Получив толчок, Шань Ли качнулся и едва не рухнул на пол. Бросив взгляд на молчавшего Цинь Фэнъяня и беспомощно закусив губу, он теперь желал лишь одного — поскорее сбежать отсюда.

Однако Цинь Фэнъянь окликнул его:

— Стоять.

Глядя на красивое лицо Шань Ли, он вдруг задумал нечто и похлопал ладонью по сиденью рядом с собой:

— Подойди и сядь со мной рядом.

Послушный Шань Ли покорно подошел и опустился подле него.

Убедившись, что тот приблизился, Цинь Фэнъянь слегка усмехнулся, но не стал больше обращать внимания на Шань Ли, а вместо этого потрепал по руке сидевшего на коленях Сяо Ляня:

— Иди разбуди Чэнь Пэна.

Сяо Ляню вовсе не улыбалось возиться с Чэнь Пэном — он и раньше недолюбливал этого грубого мужчину с самой заурядной внешностью, а теперь, возмнив, что у него появился шанс стать генеральской женой, и вовсе смотрел на того с высоты своего положения. Однако из страха перед Цинь Фэнъянем ему пришлось неохотно подчиниться.

— Генерал Чэнь... Генерал Чэнь, проснитесь, — Сяо Лянь слегка потербил храпевшего и пропахшего вином Чэнь Пэна. С брезгливой гримасой зажав нос пальцами, он приложил побольше силы, принявшись щипать военачальника, пока тот наконец не открыл глаза.

— Жить надоело?! — свирепо зыркнул на него Чэнь Пэн.

Сяо Лянь испуганно вздрогнул и немедленно бросился обратно к Цинь Фэнъяню под защиту, жалобно всхлипывая:

— Генерал, генерал Чэнь обижает меня, мне так страшно...

Он снова начал тесно прижиматься к Цинь Фэнъяню. Чэнь Пэн, увидев это, презрительно сплюнул и выругался шлюхой.

Неужели эта продажная тварь всерьёз думала, что генерал соблаговолит обратить на неё внимание?

Скривив губы, Чэнь Пэн перевёл взгляд на сидевшего рядом с Цинь Фэнъянем Шань Ли — и его глаза внезапно загорелись.

Он уже давно не встречал столь потрясающе красивых мужчин. От одного взгляда на эту безупречно белую кожу внутри у него заскребло, словно крошечным пёрышком, вызывая нестерпимый зуд.

Сглотнув слюну, Чэнь Пэн жадно спросил:

— Генерал, а этот молодой человек рядом с вами...

Прямой, совершенно не прикрытый вожелением взгляд Чэнь Пэна вызвал у Цинь Фэнъяня беспричинное раздражение. Подняв веки, он бросил на него ленивый взгляд:

— Разве этот человек тебе незнаком?

Повернув голову, Цинь Фэнъянь обратился к Сяо Ляню:

— Как тебя зовут?

Сяо Лянь застенчиво опустил голову:

— Меня зовут Сяо Лянь, лотос, что вырастает из грязи, но не пачкается в ней...

Не дожидаясь, пока тот договорит, Чэнь Пэн отмахнулся и со снисходительной ухмылкой произнёс:

— Генерал, да не он, другой...

Глаза Цинь Фэнъяня сделались еще темнее и глубже. Глядя на бледное личико Шань Ли и вспоминая, как тот измывался над ним самим и над Шань Янем в былые дни, он чувствовал,

как остатки жалости окончательно топчутся безжалостной волной ненависти.

На губах Цинь Фэнъяня вдруг заиграла жестокая, зловещая улыбка:

— Что, он тебе приглянулся?

<http://bllate.org/book/21501/2203389>